

- Нил. – Нилов П. [А.] Письмо к господину Шереру. СПб., 1808.
Петров – Петров В. В. Собрание физико-химических новых опытов и наблюдений. СПб., 1801. Ч. 1.
Сврг. Хим. кн. – Севергин В. М. Руководство к удобнейшему разумению химических книг иностранных. СПб., 1815.
Умозр. химия – Макер П. Ж. Начальные основания умозрительной химии: В 2 ч. / Пер. с фр. Космы Флоринского. СПб., 1774–1775. 2 ч.
Фурк. – Фуркруа А. Ф. Химическая философия / Пер. с фр. Ивана Книгина и Ивана Каменского. Владимир, 1799.
Шер. – Шерер А. И. Опыт методического определения химических наименований для российского языка. СПб., 1808.
Эркс. – Эркслебен И. Начальные основания химии / Пер. с нем. Никиты Соколова. СПб., 1788.
Срон. – Cronstedt A. F. Versuch einer Mineralogie / Vermehret durch Brünlich. Copenhagen; Leipzig, 1770.
Jacq. – Jacquin J. F. Lehrbuch der allgemeinen und medicinischen Chymie: 2 Thle. Wien, 1793.

Литература

- Котелова Н. З. Семантическая характеристика терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 30–44.
Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: В 6 ч. СПб., 1789–1794. 6 ч. – САР₁
Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011. – СлXI–XVII
Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л. / СПб., 1984–2011. – СлXVIII.

О. А. Старовойтова
Санкт-Петербургский государственный университет

О словообразовательной модели типа *оевропеить* — *оевропеиться* в русском языке XIX века¹

В словообразовательной системе русского языка заключен большой потенциал, реализация которого практически не ограничена и особенно интенсивно осуществляется в активные периоды жизни языка.

Одной из типичных словообразовательных моделей в системе русского глагола является образование переходных глаголов от имен существительных и прилагательных посредством приставки *о-* (*об-*): *заря* → *озарить*, *новый* → *обновить* и под. Рассматривая данное явление в современном русском языке, М. Н. Эпштейн замечает: «По этой модели образуются десятки глаголов, но ее возможности далеко не исчерпаны их наличной реализацией, т. е. “нормой”» [Эпштейн]. Под нормой автор понимает фиксацию лексических единиц в толковых словарях русского языка, справедливо замечая, что «образование новых глаголов с приставкой “о-” — пример того, как система языка постепенно одерживает победу над нормой и раздвигает ее границы. При этом норма, со своей стороны, отчаянно сопротивляется и с большой неохотой впускает в себя новые слова. Слово “озвучить” вызывало и сейчас еще вызывает обструкцию у некоторых пуристов, а слово “оцифровать” было принято в технический, а затем и публичный язык за неимением альтернативы» [Там же].

По рассматриваемой модели образуются лексемы, мотивированные, в частности, этнонимом — названием национальности [Земская 1973: 87] — и имеющие значение в соответствии с семантикой приставки *о(об)*: ‘превращение в кого-, что-л., придание каких-л свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)’ [МАС, 2: 518] (далее мы будем рассматривать эти лексемы вместе с дериватами следующего порядка — образованиями с постфиксом *-ся*). В толковых словарях современного русского языка зафиксированы следующие единицы: *обрусить*, *оевропеиться*, *онемечить(ся)*, *ополячить(ся)*, *офранцузить(ся)* [БАС, ССРЛЯ], в БТС также *отуречить(ся)*.

Результаты исследований показывают, что русскому языку XIX века было известно значительно большее число подобных образований. Так, в языке писателей, публицистов и социологов XIX – нач. XX в. часто встречаются и даже имеют словарную фиксацию глаголы *о(б/бъ)евреить(ся)* — ‘освоиться с евреями, спознаться, подружиться с ними и перенять у них многое’ [Даль, 2: 1235]; *отатарить(ся)*: «Обусурманить кого, отуречить, отатарить, сделать бусурманином» [Даль, 2: 1208]; *обангличить(ся)*:

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-04-00056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.».

«Обангличанились, стать по виду, по внешности и обычаям похожим на англичанина» [Даль, 2: 1149]:

Спросите у наших диких руссификаторов Польши, Остзейского края, у гонимей евреев, зачем они делают то, что делают? Они скажут вам, что это делается для защиты родной веры и языка, скажут, что если они не будут делать то, что делают, то пострадают родная вера и язык. Русские ополячатся, онемчатся, обевреятся (Л. Н. Толстой — М. Э. Здаеховскому, 10 сент. 1895 г. // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 68. Письма. 1895 г. М., 1954. С. 168); *Татарщина создала русскую избу и русское местничество, а былина то и другое передала в своих рассказах. Стало быть — она не копия татарских оригиналов, а возсоздание **отатарившейся** русской жизни* (Отзыв о сочинении В. Стасова: «Происхождение русских былин». Академика Ф. И. Буслаева // Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1869 г. СПб., 1870. С. 67); *Родившись во Фрисландии, он <Альм Тадем> впоследствии отправился в Англию, где вполне, так-сказать, **обангличанился*** (Новейшее искусство (так! — О. С.) в Голландии // Художественные новости. Приложение к журналу «Вестник изящных искусств». №17. Т. 1. 1883. СПб., 1884. Стлб. 525).

Вообще же глаголов, образованных по данной модели, насчитывается несколько десятков (*оболгарить(ся)*, *огерманить(ся)*, *огречить(ся)*, *олатышишь(ся)* и мн. др.), причем часто они концентрируются в пределах не только текста определенной тематики (исторические, социологические, этнографические), но даже одного предложения: *Да, теперь оказывается, что словене были одними из первых поселенцев в Европе. В середине они сохранили свою народность, а по краям подчинились чуждому влиянию — **огречились, олатышились** в древности, как в Средние века **отуречились**, или в наше время **онемечиваются**, хотя и от разных причин* (М. П. Погодин. Жизнь и труды. Кн. 8. 1894. С. 450); *Мало заслуживают доверия очевидно поспешные и приводимые г. Нидерле (стр. 128 и след.) выводы этностатистика Балоба <...>, который из сравнения переписей за 50 л. нашел, между прочим, что за это время в Угрии из общего числа сербских селений: **омадьярилось 22, орумынилось 11, онемечилось 30 и охорватилось — 21**, тогда как из русских селений: 40-де **омадьярилось, 176 ословачилось и 1 онемечилось*** (А. С. Будилович. К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси // Живая старина. 1903. Вып. III. С. 269).

«... Так как ценности формируются на основе потребностей человека, то в словообразовательно маркированных единицах языка так или иначе эксплицируется информация о системе ценностей этноса, раскрываются особенности его мировидения, мироощущения и мировосприятия. Производное слово при таком подходе оказывается, по сути дела, маленькой моделью представления знания о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком. А словообразовательный акт в связи с этим предстает как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубь человеческого сознания, в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы и человека» [Вендина: 11]. Необычайная активность рассматриваемой сло-

вообразовательной модели, вне всякого сомнения, свидетельствует об актуальном характере проблем, связанных с межнациональными контактами, в первую очередь, жителей обширной Российской империи. Приведем пример из статьи о результатах однодневной переписи городского и сельского населения 29 декабря 1881 г. в прибалтийский губерниях — Лифляндской, Курляндской и Эстляндской:

*Немец, употребляющий в своей обыденной жизни и дома русский язык, есть **обруселый** немец, и русский, говорящий дома и в своей семье по немецки, есть уже **онемеченный** русский. Таких **онемечившихся** русских нашлось довольно значительное число: 1.962. Они уже забыли свой родной язык, они уже пристали к чуждому берегу. **Ополячилось 88 чел.; олатышилось 498 чел.; обэстонилось 25 чел., и наконец, оевреилось 23 человека.** Очень жаль, что в таблице не указано, остаются ли 23 человека **оевреившихся** русских христианами или же перешли в иудейство* (Е. Ч. Грамотность в Риге // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. ССXXXIII. С. 102). Важно отметить, что «превращение в кого-л.» затрагивает разные сферы человеческого существования, прежде всего, как явствует из цитаты, язык и веру².

Данный пример наглядно демонстрирует и грамматическое своеобразие форм (прилагательное, причастие, личная форма глагола) слов подобного типа, употреблявшихся в XIX в.

Не проходит бесследно для лексики русского языка и освоение новых территорий на юге и востоке страны, и присоединение западных территорий. Необычный с социокультурной точки зрения феномен получает собственное название по типичной для языка модели: *Поразительно то, что русские, повсюду <в Сибири> побеждая инородцев силою своего народного элемента и претворяя их в себя, только в Якутской области подвергаются противоположной судьбе и **о якучиваются*** (Русское слово, ученый-литературный журнал. 12 книг [рецензия] // Вестник Европы. 1866. Т. II, июнь. С. 48).

Европа, по мнению ученых, представляла и представляет собой один из важнейших геополитических регионов мира — пространство, характеризующееся высокой интенсивностью политических, экономических, торговых и культурных связей. В рамках этого географического пространства возникали, развивались, функционировали различные объединения людей: племена, этносы, государства, империи, блоки государств и т. д. Характер взаимодействия подобных социальных систем в русском языке XIX в. описывался при помощи рассматриваемой словообразовательной модели: *В*

² О тесной связи проблемы межнациональных отношений, языка с вопросами вероисповедания свидетельствуют случаи контактного употребления таких лексем, как *обрусить* — *оправославить*, *ополячить* — *окаatholicить*, *отуречить* — *оба(у)сурманить*, напр.: *Одним словом, нашим предкам удалось **оправославить** и **ославянить** или **обрусить** более двух третей пространства, называемого ныне Европейской Россией, которая не были ни русскими, ни тем менее православными...* (Москва 1 августа // Русь. Годовая подшивка 1884 г. №15. С. 3); *Они <поляки> суть некогдашние (*nekdeisi*) русины (малоруссы), которые старанием и содействием иезуитов в XVI—XVII столетиях **окаatholicились** и **ополячились**.* (Палацкий. Польский вопрос в наше время // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. 1. Вильна, 1885. С. 43).

Испании никто, кроме **офранцузенного** среднего сословия, не старается стать выше своего звания. Не в этом ли и причина, что наука, искусство, промышленность, торговля, — все, что служит степенью для честолюбия людского, — находятся здесь в таком небрежении? (В. П. Боткин. Письма об Испании (1847). СПб., 1857. С. 85); *К несчастью, у каждого пиемонтца есть свой конёк. Нет такого мелкого чиновника, который бы не воображал, переселяясь из Турина во Флоренцию, Рим, Неаполь, что на него возложена миссия. Эта миссия заключается в переделке нравственного характера итальянцев, в стремлении **обитальянить** их: это быть может очень честно, очень благоразумно, очень похвально даже, но еще более скучно* (Анджело Ди-Гувернатис. Эскизы итальянского общества // Вестник Европы. Кн. 1, январь. 1873. С. 302); *Немцы-колонисты не только не **онемечивали** славян, но сами **ославянились**. Впрочем, замечают, что в последние годы не только колонисты, но вообще немцы — торговцы и ремесленники в городах Галичины — утрачивают свою национальность; а немец-чиновник, **ополячившись** сам, стремится более, чем самый „zajadły“ поляк, **ополячивать** русинов* (Кн. Галичина и русины. Из дорожных заметок и наблюдений // Вестник Европы. Кн. 9, сентябрь. 1886. С. 114).

Особую остроту в XIX в. приобретает т. н. славянский вопрос. Национальное движение славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в середине века достигло определенной политической зрелости. Идея славянской взаимности, основанной на сознании исторического, языкового и этнического родства соплеменных народов, вылилась, в частности, в созыв славянских съездов (первый съезд прошел в Праге в 1848 г.). На рубеже XIX–XX вв. активизация славянского движения была вызвана стремлением славянских народов защитить свои экономические и политические интересы, объединить усилия для отпора германской и венгерской экспансии в области экономики, политики, культуры, языка [см. Славянские, Славянское]. Современное положение славян, их дальнейшая судьба постоянно и активно обсуждались в газетных и журнальных статьях, публичных выступлениях и монографических исследованиях: *Трудно гадать — какая участь ожидает славянство в Австрии... Не могут не возбудить нашего полного сочувствия эти их усилия сохранить свою славянскую личность, эти предъявления права на индивидуальную жизнь, если не на политическую самостоятельность <...>, эта борьба, производимая при таких неблагоприятных обстоятельствах <...> — славянами-плебеями, при измене славян-аристократов, которые большею частью **онемечились**, **омадьярились**, **обитальянились** или даже **орумунились** (так! — О. С.)!* (И. С. Аксаков. Передовая статья в газете «День» 13 ноября 1865 г. // И. С. Аксаков. Славянский вопрос. 1860–1886. 1886. С. 49); *Почти везде у этих <славянских> племен новая литература могла обращаться, главным образом, только к народным массам и к ближе стоявшей к ним части среднего класса. Сословия высшая почти везде и почти сплошь были уже отняты у народа: оне были или **онемечены** в Австрии, Пруссии и Саксонии, или **омадьярены** в Венгрии, **отуречены** в Турецкой империи, **обитальянены** в Далмации, **ополячены** у русинов в Галиции*

(А. Н. Пыпин. Русское славяноведение в XIX-м столетии. II // Вестник Европы. 1889. Кн. 8, август. С. 717–718).

Развитие в XIX в. филологических наук, прежде всего сравнительно-исторического языкознания и славяноведения, также обращает ученых к проблемам полиэтнического социума и межэтнических взаимодействий, и как следствие — возникают лексемы, мотивированные названием не одного этноса, а целой группы (*оваряжиться, огерманииться, ославяниться*): *Поляк образовала и изменила история, опытность, а не приплыв новых стихий; иначе должно бы предположить, что наши славяне переродились и столько же **оваряжились**, сколько варяги **ославянились**; но первого принять нельзя, и сам г. Погодин не принимает* (К. Д. Кавелин. Исследования, замечания и лекции, М. Погодина, о русской истории // Отечественные записки. 1847. Т. LI. С. 12).

Именно в научных трудах историко-филологической направленности соответствующие глаголы используются для характеристики влияния не историко-культурного, а сугубо языкового: *Образовательность {Formation, в горных книгах говорится формация; но в слоге историческом, кажется, приличнее **обрусить** это слово* (П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири (1838) // Lib.ru); *мы <...> в результате своих более чем пятидесятилетних наблюдений над простонародным языком в Анатолии составили себе идею, что при употреблении иностранных слов для турка важно только **отурчить** слово* (Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию. 4) *Магистранта восточного факультета Виктора Максимова // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. СХХVIII. С. 30); Примечательно, что греки, приняв слово ярма, утвердили за ним вполне все его производные <...>; слово же ἰρμύνία, связь, скрепление; созвучие; гармония, — **огречено**, а чисто по славянски вероятно было: соярмие, соярмение* (П. А. Лукашевич. Корнеслов греческого языка. Ч. 1. Киев, 1869. С. 39); *Он <Алеко-паша> стал подписывать все бумаги, по болгарски, хотя его знание болгарского языка ограничивалось умением писать только одно слово — свою фамилию — Богориди. Достойно внимания, что он счел нужным **оболгарить** даже свое фамильное произзвище (так! — О. С.), **Вогоридес**, и стал писать Богориди, что действительно ближе подходило к его настоящему, болгарскому прозвищу — Богоров* (П. А. Матвеев. Болгария после Берлинского конгресса. Исторический очерк. СПб., 1887. С. 252–253).

Функционирование переходного глагола *о(б)[этноним]ить* в составе словосочетания *о(б)[этноним]ить + слово (наименование, текст...)* является собой особый случай его употребления, что, к большому сожалению, лексикографически никак и нигде не отражено (такому употреблению ближе всего часть определения, представленного в [Ушаков, II: 808] — ‘придать чему-н. немецкий вид, характер’, однако примерами это не подтверждено). Подобное словосочетание представляет собой краткую и емкую формулу для характеристики работы с иноязычным текстом, благодаря чему оно входит в идиоматический арсенал российских литераторов (писателей и переводчиков): *Если Державин русский Горацій, как его часто называют, то князь И. М. Долгоруков, в таком же значении, не есть ли русский Державин? В Державине есть местами что-то горац*

анское; в Долгорукове есть что-то державинское. Все это — следуя по нисходящей линии. Державин кое-где и кое-как **обрусил Горация**. Долгорукову удалось еще **обрусить** или **перерусить** русского **Державина**, опонуляризовать его (П. А. Вяземский. Старая записная книжка. Ч. 1 // Lib.ru).

Именно в такого рода контексте находим достаточно ранний (1819 г.) пример употребления лексемы, образованной по рассматриваемой модели: **Я предпочел бы «Вильгельма Теля»: можно его прекрасно орусачить** (П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. СПб., 1899. С. 299)³.

Следует отметить, что в целом наименее употребительной является личная форма переходного глагола, которая указывает на принудительный характер соответствующего действия: **Деспотизм Турции был слишком груб, но не утончен. Турция обирала порабощенные ею народы, но она не умела повлиять на их национальный характер, отуречить их** (М. Отживающий народ // Дело. 1876. №11. С. 322); **Если Золотая Орда и не поглотила Русской земли, то она ее отатарила и задержала развитие на целых два с половиною века** (Е. Шмурло. Восток и Запад в русской истории // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1895. №3. С. 13); **Угнетения, преследования и желания обангличанить ирландцев все усиливались** (Е. Н. Водовозова. Жизнь европейских народов. Т. 2. 4-е изд., перераб. СПб., 1899. С. 241). Как правило, появлению негативного оттенка способствует окружающий контекст: **грубый деспотизм Турции — отуречить; отатарить — задержать развитие**. Особенно ярко это проявляется, когда подобные глаголы употребляются как контекстуальные синонимы к другим лексемам или идиомам с негативной семантикой, напр. **стереть с лица земли — огречить: ...им <туркам> не было дела до того, на каком языке болгарин говорит и молится Богу. Напротив, греки стремились к тому, чтоб стереть с лица земли болгарскую национальность, огречить этот народ, чтоб таким образом подготовить его ко вступлению в Византийскую империю...** (А. Никольский. О быте, преданиях и понятиях болгар по памятникам народной словесности // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т. VII. Киев и Лейпциг, 1882. С. 142).

Показательно, что в современных толковых словарях (кроме [БТС: 704]) отсутствует переходный глагол *о(бъ)европеить*, употреблявшийся в XIX в.: **Петр Великий с нечеловеческою энергиею решился просветить, оевропеить, встряхнуть, оживить умственно, разбудить свое великое, сонное царство** (Е. Н. Водовозова. Умственное и нравственное развитие детей. Книга для воспитателей. 4-е изд. СПб., 1891. С. 15). По-видимому, современный метаязык политики и социологии избегает резких форм в таких деликатных и еще более усугубляющихся вопросах этновлияния. Кроме того, притупляется, уходя в историю, острота споров о насильственном оевропеении России (см. приведенную далее в статье цитату из книги В. Д. Смирнова «Аксаковы»).

³ На сегодняшний день приведенный пример с лексемой *орусачить* является единственным в картотеке «Словаря русского языка XIX века».

В системе русского языка XIX в. лексемы, образованные по рассматриваемой словообразовательной модели, последовательно формируют пары с соответствующими возвратными глаголами (*онемечить — онемечиться, отуречить — отуречиться, офранцузить — офранцузиться...*), образуя оппозицию ‘оказывать действие’ — ‘испытывать действие на себе’; исключение составляет глагол *обрусить*, образующий данное противопоставление по иному принципу выражения субъектно-объектных отношений (мене суффикса): *обрусить — обрусеть*.

Интересный случай выражения возвратного значения представлен в примере употребления глагола с возвратным местоимением: **Оба они <В. П. Боткин и Огарев> жили за границей, в Париже, и первый, по рассказам Панаева, тоже недавно возвратившегося оттуда, особенно старался **офранцузить себя** в языке, образе жизни, нравах и уже отличался яркой ненавистью к старому своему идолу — идеализму** (П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882) // Lib.ru).

Именно на возвратные глаголы приходится подавляющее число употреблений подобных лексем в языке XIX в., к тому же они представляют многообразие форм (личные, причастные, деепричастные): **Против последнего доказательства г. Мацейовскаго можно бы было указать на некоторые славянские народы, которые уже **онемечились** или еще до сих пор **онемечиваются**... Да не сам ли г. Мацейовский, в начале своего сочинения, на стр. 11, сказал, что те славяне, «которые некогда соединялись с Польшею и Чехами, уже **онемечившись** или еще **онемечиваясь**, умерли и умирают для славянской народности!»** (Новости польской литературы // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 25).

Самым употребительным сочетанием, по-видимому, следует считать «причастие от непереходного глагола + название этноса»: **Вывод из подобного <о влиянии на русские рукописи других славянских языков> исследования может быть интересен лишь в статистическом отношении, доставляя приблизительные сведения о численном взаимном отношении писцов сербских, болгарских и русских, при неизвестном проценте **оболгавившихся русских, осербившихся болгар, угровлахийских словаков, русинов** и в числе их издавна попадавших к ним **полочан, суздальцев и киевлян**** (П. П. Вяземский. Слово о полку Игореве. Исследование о вариантах. СПб., 1877. С. 118). Здесь нельзя не сказать о формировании негативного отношения к данному явлению, которое проявилось, в частности, в возникновении оценочной номинации *переворотень* (ср. семантический шлейф лексемы *оборотень*), употребляемой для называния подобных людей: **В трех, управляемых им <Ф. Чацким> губерниях (киевской, волынской и подольской) всех жителей было около четырех миллионов, — в том числе только 300 тысяч так-называемых поляков, т. е. немногих, поселившихся там выходцев Польши и **ополячившихся русских, или „переворотней“**. Для умножения, просвещения и укрепления этого Чацкийского избранного народа, была посвящена вся остальная жизнь этого неугодного прожектера и колонизатора** (Кулжинский. Ф. Чацкий и Кременецкий лицей // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. 1. Вильна, 1885. С. 313).

При рассмотрении глаголов, образованных от этнонимов, следует упомянуть и случай т. н. конструктивного словообразования, когда «производное создается в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощается синтаксическое построение речи» [Земская 1992: 8–9], в нашем случае речь идет об отглагольных существительных со значением отвлеченного действия (*о(б)[этноним]ить* → *о(б)[этноним]ение*): ...*галицкий народ, вне литературы на родном языке, на деле не зная нашего русского книжного языка и далекий от содержания русской литературы*²), *останется без средств просвещения и будет только доставлять по-прежнему материал для онемечения и ополячения* (А. Н. Пыпин. История русской этнографии. Т. III. СПб., 1891. С. 230); *Нельзя, конечно, отрицать, что со времени последней польской смуты обрусение на западных наших окраинах сделало, хотя в общем и малозначительные, но во всяком случае заметные шаги вперед* (А. П. Липранди. Русское дело в западном крае. VII // Наблюдатель. 1895. №5, май. С. 244); *Противодействие петербургскому «объевропеиванию» России никогда не перемежалось; казенное, четвертованное, повешенное на зубцах Кремля и там простреленное Меншиковым и другими царскими «потешными» в виде буйных стрельцов; убитое в рavelине петербургской крепости в лице царевицы Алексея, оно — это противодействие — является как партия Долгоруких при Петре II, как ненависть к немцам при Бироне, как разнузданная брань гениального Ломоносова, как сама Елизавета, опиравшаяся на тогдашних славянофилов, чтобы сесть на престол: ведь народ в Москве ждал, что при ее короновании выйдет приказ избить немцев.* (В. Д. Смирнов. Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность (1895) // НК).

Особый интерес для исследователя русского литературного языка XIX века должно представлять функционирование рассматриваемых лексем в разных функциональных стилях (см. хорошо известный пример из комедии А. П. Чехова «Вишневый сад»: [Лопахин:] *(Тихо напевает.) «И за деньгу русака немцы офранцузят».* (Смеётся.)).

Исследование лексем, мотивированных этнонимом, в русском языке XIX века позволяет говорить об определенной словообразовательной тенденции, действующей в языке этого периода. Продуктивность данной словообразовательной модели, безусловно, вызвана причинами социального плана, а интенсивность ее использования в текстах демонстрирует осмысление и воплощение в языке фактов реальности говорящими, наглядно подтверждая тезис о «деятельностном характере словообразования» [Земская 1992]. Характеризуя употребление словообразовательных новшеств, часто прибегают к понятию языковая мода. Не языковая мода, а языковая необходимость, на наш взгляд, способствует активизации рассматриваемого явления.

По мнению Е. А. Земской, «наиболее отчетливо показывает системное устройство словообразования» словообразовательная парадигма [Земская 1992: 17]. Рассмотренные нами единицы, вне всякого сомнения, в русском языке XIX века образуют, в терминологии Е. А. Земской, типовую словообразовательную парадигму [Там же: 18].

Именно фактор системности является определяющим для составителей «Словаря русского языка XIX века» при решении вопроса о включении в состав словаря некоторых единиц, которые интерпретируются как окказиональные и могут остаться за пределами лексикографического описания. Обобщая наблюдения над собранным материалом, отметим важность основанного на принципе лингвистического прогнозирования поиска (и фиксации в словаре) лексем подобного типа, которые на сегодняшний день могут выступать как потенциальные. Еще одно направление сбора материала предполагает поиск всех возможных вариантов: морфолого-орфографических (*оевропеить(ся)* — *обевропеить(ся)* — *объевропеить(ся)*; *отурчить(ся)* — *отуречить(ся)* и под.), морфологических (*ополячить(ся)* — *ополячивать(ся)* и под.), а также девербативов (*онемеченье* — *онемечение* — *онемечивание* и под.).

Интерес представляют также случаи дублетности глаголов, образованных от разных наименований одного и того же этноса: *обвенгерить(ся)* — *омадьярить(ся)*, *орумынить(ся)* — *ова(о)ла(о)шить(ся)*: *Вот эта-то Галиция с принадлежащими странами к югу и западу досталась Австрии задаром, по первому разделу, с 3 м. русских жителей. Эту землю с населением обьевили и обвенгерили, насколько хватило сил, но тем не менее, не могли уничтожить русский народ* (А. Ф. Ритих. Западно-русская граница и русская народность // Русская старина. 1907. Т. 130. С. 372); *В противном случае, вопрос шел бы об образовании не славян, а онемеченных чехов, лужичан, поляков, или омадьяренных словаков, или обьятальянненых далматинцев.* ([Разбор П. А. Лавровским сочинения А. Пыпина «Обзор истории славянских литератур»] // Отчет о девятом присуждении награды графа Уварова 25 сентября 1866 года. СПб., 1867. С. 43); *В настоящее время католиков в Молдавии (состоящих из помянутых выше, в настоящее время уже овалашившихся, мадьяр и саксов) считают от 40 до 60 тысяч; ими заведует (с 1838 г.) особый епископ, который имеет пребывание в Яссах...* (Е. Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. М., 1871. С. 391); *...народность эта <румыны> крепко отстаивает свой язык и даже орумынила часть местного малорусского населения* (Н. М. Лисовский. Россия // БЕ, XXVII^a: 143); *Сверх сего еще заметим одно обстоятельство: с XVI века волохи до того размножились, что стали верх брать над славянами, которые постепенно, стали оволошиться. Нередко подьячие были из числа волохов, которые не могли не ввести некоторых валахишмов в сии грамоты* (Ю. Венелин. Влахо-болгарские, или Дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении Императорской Российской Академии. СПб., 1840. С. 141.)

При кажущейся очевидности рассматриваемых лексических единиц вопрос о семантической их интерпретации на сегодняшний день вряд ли может считаться окончательно решенным. Об этом свидетельствуют в целом не противоречивые, но различающиеся и объемом, и характеристикой протекания процесса толкования одного и того же глагола, представленные в словарях русского языка, напр.: 1) *онемечить* 'насилственно сделать немцем по языку и обычаям, придать чему-н. немецкий вид, характер' [Ушаков, II: 808]; 2) *онемечивать* 'насилственно придавать кому-, чему-

либо немецкий характер; делать кого-либо похожим на немца по языку, обычаям, культуре и т. п.» [ССРЛЯ, 8: 866]; 3) онемечить 'привить кому-л. немецкий язык, обычаи' [МАС, 2: 618]; 4) онемечивать 'делать таким, как у немцев, или похожим на немцев по языку, обычаям, культуре и т. п.' [БАС, 13: 711]. Думается, что для семантического описания рассматриваемых глаголов XIX век дает многообразный и обширный материал.

«Словарь русского языка XIX века», охватывая важнейший период развития русского литературного языка, таким образом, должен восполнить пробел в описании развития словарного состава русского языка от первых письменных памятников до настоящего времени.

Литература

- Библиотека М. Мошкова. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 25.11.2012). – Lib.ru
- Большой академический словарь русского языка. Т. 1–20. М.; СПб., 2004–2012. – БАС
- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. – БТС.
- Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1863–1866.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.11.2012). – НК
- Славянские съезды XIX–XX вв. Сборник статей / Отв. ред. М. Ю. Досталь. М., 1994.
- Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / Отв. ред. М. Ю. Досталь. М., 1998.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988. – МАС
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965. – ССРЛЯ
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. – Ушаков
- Эпштейн М. Н. Круглый слог «Русский язык в современном мире» // Новый журнал. 2010. №258, март. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newreviewinc.com/node/65> (дата обращения: 25.11.2012)
- Энциклопедический словарь / Нач. проф. И. Е. Андреевским. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (СПб.). Т. 1–82. СПб., 1890–1907. – БЕ

М. А. Харламова
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Современный словарь народной речи и традиции Я. К. Грота

О Я. К. Гроде известный юрист и общественный деятель А. Ф. Кони писал, что это был человек, который «сердцем ощущал, понимал и горячо любил Россию и чудесный русский язык ее народа» [цит. по: Карпюк: 101]. На протяжении всей своей научной деятельности Я. К. Грот занимался лексикографией. Тщательный анализ лексикографических трудов и лексиконов, вышедших в Европе, помог Я. К. Гроту выработать принципы академического толкового словаря и выступить с программными работами о типе областного словаря.

Создание словарей современных говоров, отражающих традиционную народную культуру, во многом продолжает традиции, заложенные Я. К. Гротом. Новаторство Грота заключалось в том, что он впервые ввел в некоторые словарные статьи «Словаря русского языка» примечания этимологического и энциклопедического характера. Примечания поясняют семантику слов, особенности их употребления и происхождение. Безусловно, такое построение словарной статьи явилась уникальным для русской лексикографии XVIII–XIX вв.

«Лексикографический бум» — одна из примет нашего времени. Работа над диалектными словарями, проводимая различными региональными центрами, находится в русле современных лексикографических исследований и способствует воссозданию национальной картины мира, которая коренится «в категориях и формах родного языка» [Колесов 1999: 148]. Местные говоры, как и другие формы национального языка, влекут собой хранение народной культуры и традиции, а их носители — носители народной ментальности [Колесов 1999: 148]. Описание вербализаций культурно значимых понятий/концептов в говорах Омского Прииртышья может быть сделано в словаре нового типа, словаре, репрезентирующем представления о мире носителей разных этносов, проживающих на одной территории [Харламова 2007: 15–16]. О необходимости создания подобных словарей пишут многие исследователи народной речи (Г. А. Раков, В. П. Васильев, Э. В. Васильева, Т. А. Демешкина и др.): «... описание диалектной концептосферы ставит перед исследователями задачу создания диалектных словарей нового типа, предполагающих обращение не к семантике слова, а к основным концептам народной речевой культуры» [Демешкина: 59].

Установка на реконструкцию диалектной картины мира является одним из важнейших *общетеоретических принципов*, на котором основан наш словарь народной речи политнического региона Среднего Прииртышья [Харламова 2010].

Следует отметить, что в словаре подобного типа сам материал определяет конкретную наполняемость словарной статьи. Поэтому у нас нет же-